

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЯХ

Г. В. ВОРОНКОВА

Синтагматикой называют учение „о линейном (одновременном) соотношении элементов в отличие от ассоциативного (разновременного) их соотношения в парадигматике“, в то время как парадигматикой называют соответственно „рассмотрение единиц языка как элементов его системы, как совокупности структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношениями противопоставления (в отличие от синтагматики, где единицы находятся в отношении контраста)“ [Ахманова, 1966, с. 408, 310]¹.

Сказанное, видимо, можно отнести и к фонологии. Однако определение синтагмы как последовательности контрастирующих единиц в применении к фонологии может быть оспорено, так как известно, что речь представляет собой непрерывный континуум, а не последовательность дискретных элементов, а кроме того, существуют концепции, согласно которым фонема в синтагме представлена звуками, т. е. не лингвистическими элементами. Следовательно, можно предположить, что синтагма не состоит из фонем и что постулирование контраста в фонологической синтагматике дискуссионно.

Противопоставление парадигматики и синтагматики часто основывается на различении системы языка с речевым потоком [см. Звегинцев, 1968, с. 98]. Различие между языком и речью понимают, в свою очередь, по-разному. Так, соотношение „язык — речь“ интерпретируется как код и сообщение, система и текст и т. п.

Известно, что приоритет в разграничении языка и речи (так же, видимо, как и наметки разделения парадигматического и синтагматического уровней) принадлежит Ф. де Соссюру, у которого этому вопросу отведен целый раздел [Соссюр, 1977, с. 56—59]. Разделение языка и речи находим также в некоторых высказываниях Бодуэна де Куртенэ. Однако концепции Бодуэна и

¹ Ср.: „Синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц“ [Соссюр, 1977, с. 155]; понятие синтагмы и парадигмы у Соссюра относится только к грамматическим явлениям, а не к фонетическим, и, возможно, — это не случайно, так как фонема Соссюра — по существу, звук речевой цепочки, выделенной на основе акустических впечатлений [Соссюр, 1977, с. 76].

Соссюра различны. Бодуэн рассматривает язык как „одну из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова“ [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 77], в то время как Соссюр считает, что язык не функция говорящего субъекта, а продукт, пассивно регистрируемый говорящим [Соссюр, 1977, с. 52]. Развивая идеи Гумбольдта, Бодуэн пишет, что язык — это энергия и что усвоение языка — активный процесс, в то время как, согласно Соссюру, язык пассивно воздействует на человека и является замкнутой системой, противопоставляемой речи.

Понимание соотношения языка и речи очень различно у разных лингвистов. Так, Гардинер, занимавшийся специально теорией языка и речи², противопоставляет язык речи как явление постоянное явлению меняющемуся³. Коржинек рассматривает отношение между языком и речью как отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией и определенным явлением действительности, составляющим объект этого анализа [Коржинек, 1967, с. 317]. Согласно Ельмслеву, язык состоит из последовательного ряда (или текста) и системы [Ельмслев, 1960, с. 56], и это понимание языка и речи ближе всего к определениям парадигмы и синтагмы, приведенным выше. Ельмслев считает речь реализацией схемы (т. е. языка)⁴. Аналогичную концепцию языка и речи находим у Брендаля. Харрис, рассматривая механизм речи, устанавливает, что источником речевого механизма является поток морфем, приводящий в движение фонемизатор, который в свою очередь с помощью кода (морфофонемике языка) программирует морфемы в поток фонем; поток фонем приводит в движение артикулятор, а его движения создают временную последовательность артикуляторных элементов и производят сигнал речи [Harris, 1961, p. 49]⁵.

Хомский различает так называемые "competence" и "performance", соответствующие в известном смысле языку и речи в понимании Соссюра. Однако, как указывает Фишер-Ёргенсен, концепция Хомского создавалась под влиянием идей Гумбольдта. В „Синтаксических структурах“ Хомский

² О проблеме языка и речи подробнее см. у Гардинера [Gardiner, 1935; 1951].

³ Ср. аналогичную точку зрения в работе А. А. Смирницкого [1954, с. 18].

⁴ Ср. высказывание Штейнтала о том, что речь, говорение — это происходящее в настоящее время или мыслимое как происходящее в настоящее время проявление языка. Штейнталь считает также, что язык вообще дан в каждом речевом процессе [Штейнталь, 1956, с. 110]. Ср. также высказывание Гумбольдта, согласно которому язык является совокупностью продуктов указанного процесса и отличается от отдельных актов речевой деятельности [Гумбольдт, 1956, с. 81].

⁵ Как известно, в работах американских дескриптивистов (если не считать работ Туодделла) главное внимание уделяется синтагматике, и, видимо, поэтому в высказываниях представителей упомянутого направления определение языка в противопоставлении его речи не находит отражения.

определяет язык как конечный или бесконечный набор предложений, причем он имеет в виду потенциальное предложение. Различие в понимании языка Хомским и структуралистами заключается, в частности, в том, что для последних язык — это система или система знаков, в то время как для Хомского — система правил, которая определяет соответствие между звуком и значением [Fischer-Jørgensen, 1975, p. 178–179]. Таким образом, „язык“ (competence) Хомского отличается от „языка“ Соссюра (langue) прежде всего тем, что у Хомского — это набор правил, используемый для формирования предложений, в то время как „речь“ (performance) — актуальное использование языка в конкретных ситуациях [Fischer-Jørgensen, 1975, p. 188–189].

Подводя итог различным суждениям о дихотомии „язык–речь“, Звегинцев классифицирует эти суждения, сводя их к 8 пунктам, из которых хотелось бы отметить следующие: речь подвижна, динамична, а язык стремится к стабильности, статичности; речь вследствие своей отягченности связями с психическими, историческими, социальными и прочими факторами не может быть описана строго формальным образом, в то время как язык допускает приложение формальных правил; речи свойственна всегда материальность, язык стремится предстать в виде абстрактной системы [Звегинцев, 1968, с. 106].

Можно было бы привести еще множество высказываний как по поводу того, что такое язык, так и в отношении дихотомии „язык–речь“, и некоторое количество суждений относительно парадигматики и синтагматики. Однако и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод, что понятия синтагматики и парадигматики не совсем идентичны понятиям „язык“ и „речь“, но что они в чем-то совпадают. Понятие „парадигматика“, безусловно, уже понятия „язык“, так же как понятие „речь“ шире понятия „синтагматика“. Парадигматика представляет, видимо, ту часть понятия „язык“, которую связывают с понятием языка как одновременной совокупности всех его элементов, образующих систему благодаря определенным отношениям между этими элементами. Между тем, синтагматика представляет ту часть понятия „речь“, которую связывают с понятием речи как последовательности единиц языка.

Проблема синтагматического и парадигматического уровней в фонематических системах, как правило, не находит эксплицитного выражения в фонологических концепциях. Однако имплицитно она присутствует во всех теориях фонемы и является одной из проблем, решение которых способствует вскрытию противоречий в фонологических концепциях.

Из некоторых определений фонемы, а также из рассуждений представителей разных фонологических направлений по поводу лингвистического содержания фонемы следует, в частности, что фонема в конечном счете является звуком, т. е. материально-субстантной реальностью как в парадигма-

тике, так и в синтагматике. Из этого неизбежно следует, что в синтагматике в одной точке речевого потока в рамках лингвистической (а иногда и психолингвистической) модели происходит своего рода наложение двух материально-субстантных сущностей.

Так, известный последователь Блумфильда, Блок, рассматривая фонему с точки зрения ее функционирования в синтагматике, утверждает, что в синтагматической цепи есть сегменты, не находящиеся в контрасте с какими-либо другими сегментами и являющиеся, таким образом, недистинктивными и незначимыми [Bloch, 1948, p. 26]. Он утверждает также, что различие между дистинктивными и недистинктивными звуками основано на значении и что замена дистинктивных звуков влияет на значение слова или фразы, в то время как замена недистинктивных звуков не может влиять [Bloch, 1948, p. 27]. На тот факт, что существуют звуки, дифференцирующие значения, и звуки, не дифференцирующие значения, и на важность понимания этого лингвистического факта указывает также Хокетт [Hockett, 1955, p. 145]. Точка зрения Блока и Хокетта восходит в конечном счете к точке зрения Блумфильда, который понимал фонологию как изучение значимых звуков речи⁶.

Таким образом, все указанные выше авторы представляют себе фонему как дистинктивный звук (т. е. как некую материально-субстантную сущность, непосредственно связанную со значением (и одновременно признают существование недистинктивных звуков, не выполняющих функции дифференциации значений).

Обычно считают, что для американского структурализма характерен фонологический анализ на базе чистой синтагматики без учета семантических отношений. Как указывает Фишер-Ергенсен, такие последователи Блумфильда, как Харрис, Хокетт и Блок, намеренно исключают значения из лингвистического анализа и базируют его на чисто синтагматических отношениях [Fischer-Jørgensen, 1975, p. 81]. Действительно, согласно Харрису значение необходимо только как фон регулярности звукового повторения, поскольку он считает, что в лингвистике прежде всего важна регулярность дескриптивного различия [Harris, 1951, p. 7]. Представляется, однако, что определения фонемы, данные, в частности, Хокеттом и Блоком, и фонологический анализ, проводимый этими авторами на базе парадигматического

⁶ См. Блумфильд, 1968, с. 76. Известно, правда, что Блумфильд понимал фонему как „признаки звуков, которые говорящие научились производить и узнавать в потоке живой речи“, за что и был подвергнут критике со стороны того же Блока [Блумфильд, 1968, с. 78; Bloch, 1948, p. 26]. Ср. точку зрения Дайнана, согласно которой звуки языка, находящиеся в параллельной дистрибуции и контрастирующие между собой, выполняют дифференциальную функцию [Dinene, 1967, p. 33–34]. См. также „Фонемикку“ Пайка [Pike, 1947, p. 63, 73].

контрастирования значимых элементов (а не только синтагматического контрастирования звуков) [Hockett, 1959, p. 15–17; Hockett, 1955, p. 155], говорит в пользу того, что семантика не была полностью исключена из фонологического анализа этих авторов.

Между тем, именно привлечение семантического аспекта к определению сущности фонемы и определение фонемы как значимого звука делают уязвимой их фонологическую концепцию. В самом деле, утверждая, что материально-субстантный элемент синтагматической цепи то обладает определенной функцией, превращающей фонетическую реальность в лингвистическую, то не обладает (ср. „дистинктивные“ звуки и „недистинктивные“ звуки), Блок и Хокетт утверждают тем самым, что на синтагматическом уровне могут оказаться материально-субстантные сегменты, не участвующие в функционировании, и что в синтагматической последовательности оказываются „пустые клетки“ структуры, не заполненные фонемами. Таким образом, фонемный инвентарь (т.е. парадигматика) не полностью проецируется на фонемные последовательности значимых единиц синтагматики, в чем и заключается противоречивость описанной выше концепции фонемы.

Внутренняя противоречивость указанной концепции заключается также в следующем. Американские структуралисты, оставляя за фонемой статус звука, дифференцирующего значение, признают (как, впрочем, и большинство фонологов) существование аллофонического варьирования. В частности, Блок считает, что фонема состоит из неконтрастных элементов или фонов, находящихся в свободном варьировании друг с другом и не являющихся дистинктивными [Bloch, 1948, p. 26–27]. Хокетт, в свою очередь, употребляет в значении вариант, аллофон как сам термин „аллофон“, так и термины „фон“ и „компонент“ в зависимости от уровней, на которые он помещает вариант в его двухуровневой лингвистической схеме (ср. *size-level* и *strata-level*) [Hockett, 1961, p. 40–41; Hockett, 1959, p. 107]. Получается, что и Блок и Хокетт, считая фонему звуком, утверждают тем самым, что звук реализуется одновременно в других звуках. Причем и звук, дифференцирующий значение (т.е. фонема), и звук — реализация находятся на одном участке синтагматической цепи. Эти оба утверждения представляются несовместимыми в силу того, что тождественный сегмент материальной субстанции, выделенный в цепи звуковых сегментов, не может представлять собой различные физические сущности в одной точке речевого потока, т.е. быть звуком, независимым от реализации, и реализацией одновременно.

⁷ Ср. также его определение фонемы как класса непротивопоставляемых и фонетически подобных фонов [Хауген, 1960, с. 256]. См. также определения „аллофона“ американскими структуралистами [Хэмп, 1964, с. 35–36].

Видимо, в любой концепции, согласно которой фонема является неделимой звуковой единицей на синтагматическом уровне, одновременно имеющей разные реализации, может возникнуть подобное противоречие. Это противоречие, казалось бы, можно устранить разными путями. Так, те фонологи, которые понимают фонему как фонетическую абстракцию⁸, могли бы считать, что фонема как абстрактная физическая единица парадигматического плана имеет определенные реализации в синтагматике и, таким образом, не является тождественной синтагматической единицей. Однако Трубецкой не делает четкого различия между фонемой – парадигматической единицей и фонемой – синтагматической единицей. Согласно концепции Трубецкого, звук языка идентичен звуку речи⁹.

Вызывает сомнение и само понятие абстрактного звука. В самом деле, если „абстрактный звук“ не материал, то он вовсе не звук и его нельзя называть ни звуком речи, ни звуком языка. В том случае, если он материал, т.е. если он физическая реальность, то он перестает быть абстракцией и в таком случае он просто звук. Однако в любом случае, будь фонема „абстрактным звуком“ или просто звуком на обоих уровнях (и на синтагматическом, и на парадигматическом), представляется весьма спорным, что в синтагматике может иметь место совпадение двух фонетических реальностей в одной точке речевого потока.

Решение вопроса о функционировании фонемы на синтагматическом и парадигматическом уровнях в дихотомической теории фонемы, в чисто теоретическом плане, логически как будто бы непротиворечиво. Как пишут Якобсон и Халле, „и фонемы и ее варианты в равной мере присутствуют и в коде и в сообщении“ [Якобсон, Халле, 1962, с. 234]. Ср. также утверждение Якобсона и Халле о том, что фонема (или различительные признаки) должны иметь свои постоянные корреляты в речи. Однако экспериментальные исследования образа восприятия фонемы в синтагматике опровергли возможность применения дихотомической теории к синтагматическому уровню [Бондарко, Зиндер, 1966, с. 10–15].

⁸ Ельмслев считает, в частности, что пражские структуралисты понимают фонему как некую фонетическую абстракцию [Ельмслев, 1960, с. 52]. Действительно, фонема, являющаяся, по мнению Трубецкого, совокупностью дистинктивных признаков, есть по существу фонетическая абстракция, соответствующая определенным образом акустико-артикуляционной реальности. См. также следующие определения фонемы: „В концепции Пражской школы фонема – это действительно абстракция, но такая абстракция, которая сознательно или бессознательно используется всеми носителями языка...“ или: „фонема входит в систему звуков“ [Вахек, 1964, с. 231–232].

⁹ Ср.: „Совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, мы называем звуком языка и соответственно звуком речи“ [Трубецкой, 1960, с. 45].

С указанных позиций противоречивость фонологической концепции Джоунза заключается в том, что фонема, понимаемая Джоунзом как звукотип, выполняющий смысловоразличительную функцию [Jones, 1950, p. 7, 13, 48], является по существу материально-субстантивной сущностью и совпадает в синтагме с реализацией, аналогично тому как это происходит в том случае, когда фонему понимают либо как конкретный звук, либо как некий абстрактный звук.

Проблема функционирования фонемы на двух уровнях тесно связана с одной из основных проблем фонологии, а именно, с вопросом соотносительности антропофонической и лингвистической реальности. Видимо, четкая постановка и разрешение вопроса о роли антропофонии в фонологии как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане помогли бы избежать внутренней противоречивости в фонологических построениях.

SYNTAGMATICS AND PARADIGMATICS IN PHONOLOGICAL SOLUTIONS

G. V. VORONKOVA

Summary

The author of the paper maintains that the contradictoriness of certain phoneme conceptions, for instance, the conceptions of phoneme as a sound element, is due to the fact that the originators of those conceptions take no account of the connection existing between paradigmatics and syntagmatics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова, 1966 — Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
Блумфильд, 1968 — Блумфильд Л. Язык. — М., 1968.
Бодуэн де Куртенэ, 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963, т. 1.
Бондарко, Зиндер, 1966 — Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. — ВЯ, 1966, № 1, с. 10—15.
Вахек, 1964 — Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. — М., 1964.
Гумбольдт, 1956 — Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода (извлечения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. М., 1956, с. 49—56.
Ельмслев, 1960 — Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. 2, с. 56—66.
Звегинцев, 1968 — Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. — М., 1968.
Коржинек, 1967 — Коржинек П. М. К вопросу о языке и речи. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 317—324.
Смирницкий, 1954 — Смирницкий А. А. Объективность существования языка. — М., 1954.

- Соссюр, 1977 — Соссюр Ф., де. Труды по общему языкознанию. — М., 1977.
- Трубецкой, 1960 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960.
- Хауген, 1960 — Хауген Э. Направления в современном языкознании. — Новое в лингвистике, 1960, вып. 1.
- Хэмп, 1964 — Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. — Л., 1964.
- Штейнталь, 1956 — Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и взаимоотношения). — В кн.: Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков, с. 108—116.
- Якобсон, Халле, 1962 — Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — Новое в лингвистике, 1962, вып. 2, с. 231—278.
- Bloch, 1948 — Bloch B. A Set of Postulates for Phoneme Analysis. — Language, 1948, vol. 24, No 1, p. 3—46.
- Dineen, 1967 — Dineen F. P. An Introduction to General Linguistics. — New York, 1967.
- Fischer-Jørgensen, 1975 — Fischer-Jørgensen E. Trends in Phonological Theory. — Copenhagen, 1975.
- Gardiner, 1935 — Gardiner A. The Distinction of "Speech" and "Language". — In: Atti der III Congresso internazionale dei linguisti. — Firenze, 1935.
- Gardiner, 1951 — Gardiner A. The Theory of Speech and Language. 2nd ed. — Oxford, 1951.
- Harris, 1951 — Harris Z. S. Methods in Structural Linguistics. — Chicago, 1951.
- Hockett, 1955 — Hockett Ch. F. A Manual of Phonology. — Baltimore, 1955.
- Hockett, 1959 — Hockett Ch. F. A Course in Modern Linguistics. — New York, 1959.
- Hockett, 1961 — Hockett Ch. F. Linguistic Elements and Their Relations. — Language, 1961, vol. 37, No 1, p. 29—54.
- Jones, 1950 — Jones D. The Phoneme: Its Nature and Use. — Cambridge, 1950.
- Pike, 1947 — Pike K. L. Phonemics: a Technique for Reducing Languages to Writing. — Ann Arbor, 1947.

Leningrado A. A. Ždanovo universitetas
Skandinavų filologijos katedra

Įteikta
1979 m. lapkričio mėn.